

0718072 -/

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КНЯЗЕВ Павел Андреевич

**ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РИМА
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТИБЕРИЯ**

07.00.03 - Всеобщая история
(Древний мир)

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

КАЗАНЬ - 2000

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета

Научный руководитель	- доктор исторических наук профессор Жигунин В.Д.
Официальные оппоненты	- доктор исторических наук профессор Парфенов В.Н., - кандидат исторических наук доцент Смышляев А.Л.
Ведущая организация	- Самарский государственный университет

Защита состоится "9" ноября 2000 г. в 16⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д.053.29.06 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан "7" октября 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Рашафутдинов

Р.Г.Кашафутдинов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная актуальность темы. Изучение внутренней и внешней политики Рима периода правления Тиберия Цезаря Августа позволяет выделить конкретные механизмы раннеимператорской власти и проследить как функции верховного правителя, так и реальную технику политического опыта, не основанного на древней публичной традиции. Эволюция роли императора от индивидуальной к стандартной предполагает исследование политики как комплекса, реальные механизмы которого развернуты в формах, оправданных в ракурсе публичного стереотипа. Если «нормальное» настоящее нуждается в одобрении столь же «нормальным» прошлым, а экстраординарные условия власти на практике исчерпывают ее привычные основания, то успех политического балансирования приобретает самодовлеющее значение. Сохранение и поддержание преемственности правления в интегральном качестве свободы и безопасности становится дилеммой существования римского общества после ухода императора Августа. Поставленная дилемма реализуется в личности нового принцепса и он обязан ее решить. Отмеченное превращается в проблему, конкретика которой имеет не только узко-культурный, но и антропологический масштаб: поиск (консервация) принципов и форм политической самоидентичности свойствен многим системам (государствам), столкнувшимся с потребностью восстановления или укрепления равновесия.

«Внешняя история» правления Тиберия как бы бедна событиями: международные контакты эпизодичны и лапидарны в имеющейся традиции. Напротив, течение внутренней истории представлено в яркой «процессуальной войне», развернутой по поводу многочисленных фактов «умаления величия». Внутренние события в наших источниках часто унылы, если не бесславны, а внешние лишены конкурентных свершений. Император Тиберий в 26 г. покидает Рим и с 27 г. поддерживает стабильность с удаленного о-ва Капри. В 37 г. его посмертно объявляют безумным. История Рима в 14-37 гг. пропитана ожиданием опасности и запятнана дефектом политического лидерства. Анализ на конкретно-историческом процессе примеров упреждения и преодоления угрозы, внутренней и внешней, позволяет выявить пределы публичной власти, далеко не бесспорной на попрание индивидуального признания и способной лишь к замозамене. Если литературная ткань отмеченного времени подчинена событиям «внутренней истории», то построение сбалансированной реконструкции является темой, наименее исчерпанной в существующих исследованиях.

Цель работы - дать сбалансированное рассмотрение технологии римской императорской власти, впервые переданной по традиции. Динамика правления анализируется во внутри- и внешнеполитическом аспектах.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих конкретных задач:

1. Анализ позиций верховного правителя в качестве принцепса, императора и собственника, где каждая функция обуславливает политические возможности правителя как такового;

2. Рассмотрение внутривполитической позиции Тиберия как «сына божественного Августа» с анализом ее легальной, должностной и обычной защиты, а также роли принцепса в динамике и кульминации процессов «об умалении величия»;

3. Раскрытие внешнеполитических стандартов, принципов и целей деятельности Тиберия, технического содержания и результатов внешней политики Рима.

Хронологические границы исследования обусловлены временем правления Тиберия (14 - 37 гг. н. э.).

Методологическая основа диссертации состоит в применении к древней истории новых теоретических подходов, распространенных в современной политологии, теории международных отношений, философии права. Синтез этих различных подходов на основе системных представлений позволил выявить как структурные, так и генетические компоненты внутренней и внешней политики Рима времен Тиберия. Разумеется, изучение конкретного материала потребовало в нашем исследовании также использования традиционной методики и техники анализа источников, толкования их с позиций исторической критики.

Источники диссертационного исследования подразделяются на литературные нарративные, эпиграфические и нумизматические.

По детальности изложения и непосредственности источника литературный нарративный материал разделен на основной и дополнительный. В качестве исходных в диссертации использовались сочинения римского историка Корнелия Тацита (конец I в. - начало II в.) - «Анналы», «История», «Агрикола» и «Германия». Некоторые «Анналы» утрачены (с конца 29 г. по конец 31 г.; 5-я и 6-я книги представлены частично). Заполнению пробелов помогает привлечение трех дополнительных произведений. Среди важнейших следует назвать «Римскую историю» Диона Кассия Кокцейяна (1-я четверть III в. н.э.). Правление Тиберия изложено в 57-й-58-й книгах. Ценность биографии Тиберия, со-

ставленной латинским писателем Гаем Светонием Транквиллом (ок. 122 г.), придает тот факт, что автор работал с воспоминаниями принцепса. Сочинение римского либерта и иудейского аристократа Иосифа Флавия «Иудейские древности» (ок. 93-94 гг.) использовано для реконструкции взаимоотношений Рима и Парфии. Упомянутые сочинения основаны на памяти, внешней для авторов. Поэтому сочинения сенатора Веллея Патеркула («Римская история») и ученого Страбона из Малой Азии («География»), современников Тиберия, позволили приблизиться к политическому самосознанию времени.

К дополнительным материалам, с привлечением которых политические события восстанавливались или корректировались в институциональном плане, относятся сочинения Гая Саллустия Криспа, Тита Ливия, Сенеки Ритора и Сенеки Философа, Плиния Старшего и Плиния Младшего, Валерия Максима, Авла Геллия. Этим же целям служили работы римских историков II (Луций Анней Флор) и IV столетий (Аврелий Виктор, Евтропий, Элий Спартиан), поэтические произведения I в. до н.э. - II в. н.э. (Вергилий, Овидий, Проперций и Ювенал) и творчество Флавия Филострата.

Надписи, а также данные нумизматики позволили нам не только подтвердить, но и отвергнуть отдельные утверждения писателей. Среди доступных нам надписей времени Тиберия некоторые открыты совсем недавно¹. Содержание многих надписей, иконографию, достоинства и легенды монет мы рассматривали, учитывая, что их назначение привязано к вызовам времени и отражает актуальную версию политического сознания.

Обычаи (*mores*), законы (*leges*), постановления сената (*senatus consulta*) и магистратов (*edicta*) или договор (*foedus*) - неотъемлемая принадлежность «юридизированного» сознания многих источников. Поэтому их материалы, по мере необходимости, рассматривались нами как косвенные продукты нормативной воли. Весьма полезным стало прямое обращение к текстам «Дигест Юстиниана», фрагментам сочинений Юлия Павла, Гая, восходящим к событиям принципата Тиберия или правления его предшественника. Учтены результаты археологических экспедиций в Северной Африке и исследований грота *Sperlonga* в Кампании, проведенных в 50-х - 70-х гг. XX столетия.

¹ Levick B. The *senatus consultum* from Larinum// JRS. 1983. Vol. 73. P. 97-115; Gonzáles J. *Tabula Siarensis, Fortunales Siarenses et Municipia Civium Romanorum*// ZPE. 1984. Bd. 55. S. 55-100; Eck W. Das s.c. de Cn. Pisone patre und seine Publikation in der Baetica// CCG. 1993 T. 4. P. 189-208. Cf. Kolnik T. "Q. Atilius Primus - Interpret Centurio und Negotiator"// AArchHung. 1978. T. 30. Fasc. 1-2. S. 61-75; Тодоров И. Вариантно решение на въпроса за съдбата на въстаналите траки през 26 г.// Епохи. 1994. Г. 2., кн. 4. С. 29-32.

Степень изученности темы. Исследования политических событий периода правления Тиберия проводились в работах биографического характера или в специальных трудах, связанных с отдельными сюжетами истории ранней империи. Резко отрицательный образ преемника Августа в «Анналах» Тацита предопределил многолетний период ревизии его взглядов в мировой историографии. В разнообразных трудах арифметически и путем сопоставления параллелей в источниках (сочинениях Диона Кассия, Веллея Патеркула, а затем и Иосифа Флавия) доказывалась необъективность Тацита, изобразившего время 14-37 гг. как период неограниченного террора, а императора как злоумышленного политика. В итоге «восстановительной» деятельности ученых XIX столетия на свет появились своего рода «альтернативные анналы» рассматриваемой эпохи (С.Туксен). Полемика в историографии Тиберия часто сводилась лишь к критике или поддержке воззрений Тацита. Французские авторы по объективно-системным основаниям противостояли «ревизионистам» из Германии и Дании (Г.Зиверс, А.Штар, Л.Фрайтаг, С.Туксен) или их «союзникам» в России (Г. Мерчинг).

В нашей диссертации использовались арифметические и аналитические сводки, а также таблицы «жертв юстиции» 14-37 гг., составление которых было положено В.Райном, продолжено Г.Зиверсом, Л. Фрайтагом, Э.Чачери и С.Роджерсом. Принимались во внимание самые последние изыскания «виктимологии» в исследованиях Д.Шоттера и Ф.Костантино.

В работе учитывались достижения Т.Моммзена и дальнейшие исследования в области восстановления «конституции» Рима, обобщающая историография, а также результаты применения просопографического метода М. Гельцером, Ф.Маршем и Р.Саймом. Вслед за изданием Т.Моммзеном соответствующих частей «Римского государственного права» с теми или иными нюансами в историографии утверждалась концепция Т.Моммзена о «двоевластии» императора и сената. Правление Тиберия Цезаря стало спорным, если вообще не первым, экземпляром «диархии» Августа. Российский историк Э.Гримм доказывал, что практика управления делала границы власти Тиберия подвижными. Если сохранялись старые комиции, о «диархии» говорить не следует. При Тиберии их роль была низведена к аккламативной функции и принципат стал похож на диархию. В течение XX столетия изучение комициальной реформы при Тиберии совершенствовалось. Итоги специальных исследований привлечены для подготовки нашей работы.

Без видимой связи с выводами Э.Гримма похожие результаты были полу-

чены Э.Корнеманном в Германии. Надлом правления, по Э. Корнеманну, был обусловлен «древнеспецифичностью» личности Тиберия, круто развернутой вспять - к эфемерным стандартам республики. Согласно Э.Гримму, лишь ситуация, связанная с упреждением заговора Сеяна, мобилизовала крайние резервы системы. Террор стал неизбежным. Реактивная самозащита императорской власти и процесс ее эволюции *ad hoc* вели к «институционализации» принципата, как увидели Д.Тимпе и последовавший за ним А.Б.Егоров. Этот процесс, считает П. Шрембгес, отличался «имперсонализацией» власти принцепса, правившего на удалении от Рима. Тяжелое становление власти, по мнению Г. Кастрициуса, заключалось в том, что Тиберий столкнулся с механизмами республики, возрожденными («реактивированными») Августом.

Для решения поставленных задач мы также обращались к трудам ученых в сфере социально-экономической и социальной истории (М.Ростовцев, М. Финли, Х. Беллен, В.С.Сергеев, В.И. Кузищин), исследованиям специалистов в области финансов, идеологии и религиозной политики принципата (Т.Франк, К. Роудвальд, А.Куниш, К. Хэрл, М. Грант, К. Сазерлэнд, Г.Геше, С. Вайнсток, Е.М. Штаерман). Принималось во внимание воззрение Л.Армана, проследившего патронатные функции императора. Привлечены исследования о достижении принцепсом универсальной монополии власти в империи. Учтены детальные работы В.Н.Парфенова по эволюции армии и роли гвардии в ранней империи.

Для понимания основ юстиции принципата нам помогли труды Р.Баумана, И. Блейкена, Ф.Авонцо, Кюблера, М.Леви, П. Бранта, Б.Левик, акценты, расставленные Л.Л.Кофановым. В национальной литературе некоторые аспекты процессов «о величии» были рассмотрены в исследованиях А.Б. Егорова (как «основа неправовой опоры» власти Тиберия) и И.П. Портнягиной (как узурпация сословных интересов и сведение права к индивидуальной защите принцепса), а сам закон «о величии» освещался в статье А.В.Щеголева «Императорский культ и *lex maiestatis*».

В историографии Тиберия и Рима 14-37 гг. внешняя политика выделена слабо. По меньшей мере, со времени Т.Моммзена взгляд на международную политику империи подчинен «провинциальным» требованиям, а «зарубежный сектор», как правило, начинается за Евфратом. Нам не удалось обнаружить концептуальных исследований, комплексно рассматривающих политику Тиберия в границах «внешнего» мира. Для решения проблемы привлекались работы

о международной клиентеле и дружбе, исследованиях лимеса и боевых столкновениях в отдельных районах периферии².

Так, в сфере нашего внимания находились монографии А.Г. Бокшанина, И.Ш.Шифмана, Г.А. Кошеленко, С.Ю.Сапрыкина, статья В.Н.Парфенова, реконструкции династий, выполненные Р. Салливаном, работа М. Пани о взаимоотношениях Августа-Тиберия с восточными союзниками³.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- по-новому трактуются источники по периоду правления Тиберия, в осо-

² Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ*. Princeton (N.J.), 1950. Vol. I-II; Alföldy G. *La politique provinciale de Tibère*// *Latomus*. 1965. T.24. Fasc.4. P.824-844; Orth W. *Die Provinzialpolitik des Tiberius*. München, 1970; Hatt. J.J. *Histoire de la Gaule romaine, colonisation ou colonialisme (120 avant J.-C.-451 apres J.-C.)* Paris, 1970; Millar F. with D.Berciu, R.F. Frye, G.Kossack, T.Talbot. *The Roman Empire and its neighbours*. London, 1967; Dyson St.L. *Native Revolt Patterns in the Roman Empire*// *ANRW*. 1975. T.II. Bd.3. S.138-175; Teja R. *Die römische Provinz Kappadokien in der Prinzipatszeit*// *ANRW*.1980. T.II. Bd.7. Hbd.2. S.1083-1124; Ziegler K.H. *Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts*. Wiesbaden, 1964; Campbell B. *War and diplomacy: Rome and Parthia*, 31 B.C.-A.D.235// *War and Society in the Roman World*. L.; N.Y., 1993. P.213-240; Dobesch G. *Europa in der Reichskonzeption bei Caesar, Augustus und Tiberius*// *AArchHung*. 1989. T.41. Fasc.1-4. S.53-59; Lintott A. *Imperium Romanum*. London; N.Y.,1993; Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East, 168 B.C. to A.D. 1*. Norman, 1984; Badian E. *Foreign clientelae (264-70 B.C.)*. Oxford, 1984; Braund D.C. *Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship*. London, 1984; Harmand L. *L'Occident romaine. Gaule - Espagne - Bretagne - Afrique du Nord (31 av. J.C. a 235 ap. J.C.)*.Paris, 1970; Pitts L.F. *Relations between Rome and the German 'Kings' on the Middle Danube in the first to fourth centuries A.D.*// *JRS*. Vol.79. P.45-58; Demougeot E. *La Formation de l'Europe et les invasions barbares. T.I. Des origines germaniques a l'avenement de Diocletien*. Paris, 1969; Mann J.C. *The Frontiers of the Principate*// *ANRW*.1974. T.II. Bd.1. S.508-533; Planck D. *Neue Forschungen zum obergermanischen und rätischen Limes*// *ANRW*.1976. T.II. Bd.5. Hbd.1. S.404-456; Timpe D. *Der Triumph des Germanicus*. Bonn, 1968; Debevoise N.C. *A political history of Parthia*. Chicago; London, 1969; Nagy T. *Die Nordpolitik des Tiberius an der Mitteldonau*// *AArchHung*. 1989. T.41. Fasc.1-4. S.61-71; Isaac B.H. *The Limits of Empire. The Roman Army in the East*. Oxford, 1990.

³ Бокшанин А.Г. *Парфия и Рим (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира)*. М., 1966; Кошеленко Г.А. *Греческий полис на эллинистическом Востоке*.М.,1979; Парфенов В.Н. *Тиберий, Германник и Германия*// *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Саратов, 1997. Вып. 2. С.10-24; Сапрыкин С.Ю. *Понтийское царство*. М., 1996; Шифман И.Ш. *Сирийское общество эпохи принципата (I-III вв н.э.)*. М., 1977; Sullivan R.D. *Thrace in the Eastern Dynastic Network*// *ANRW*. 1979. T.II. Bd.7. Hbd.1. S.186-211; Idem. *The Dynasty of Cappadocia*// *ANRW*. 1980. T.II. Bd.7. Hbd.2. S.1125-1168; Idem. *The Dynasty of Commagene*// *ANRW*. 1981. T.II. Bd. 8. S.790-791; Pani M. *Roma e l'ire d'Oriente da Augusto a Tiberio (Cappadocia, Armenia, Media Atropatene)*. Bari, 1974.

бенности недавно введенные в научный оборот данные эпиграфики и нумизматики;

- впервые в отечественной историографии комплексно рассматривается «технология» внутренней и внешней политики принципата Тиберия;
- позиция и пределы власти принцепса раскрыты в системно-функциональном аспекте;
- впервые специально рассмотрен и систематизирован внешнеполитический процесс периода 14-37 гг.

Научно-прикладное значение исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для подготовки общих и специальных работ по истории императорской власти, для проведения лекций и практических занятий по римской истории, общих курсов и спецкурсов по проблемам публичного права древнего Рима.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, ее значимость, формулируются цели, конкретные задачи и метод проведения исследования, принципы отбора источников, дается их обзор и рассматривается историография проблемы.

Первая глава «Тиберий и принципат» отведена детальному исследованию техники обретения места верховного правителя с использованием демонстрации его персональных функций в обществе и власти.

В первом параграфе «Тремник как принцепс» анализируется процесс, воспринятый в древности как проволочивание принятия верховной власти Тиберием и ее «гражданская составляющая». Подчеркивается, что древняя традиция не различает структуры высшей власти и ее обретение представлено как простой перенос *imperiū complexus*. Доказывается, что отказ от власти (*recusatio*) Тиберия менее всего мог мотивироваться требованиями политического клише. Так, от такого элемента власти принцепса, как трибуна, Тиберий совсем не отказывался. Сенат не являлся источником указанной власти ни в период правления Августа, ни в течение 14-37 гг.: даже реформа комиций, проведенная в 14 г., только устранила гражданский конкурс и возможность обращения к альтернативе среди «избирателей». Общественно-политический смысл комициальной реформы сводился к сокращению избирательной свободы в сис-

темных интересах иерархии (принцепс, сенаторы, всадники, граждане). Подчеркивается, что Август, задумавший реформу, не решился провести ее лично: малопопулярная, но весьма важная, процедура досталась его преемнику. Эта реформа сопровождалась попытками консервации ранговых качеств и нормированием общественного быта в рамках традиционных представлений о должном. Отмечены укрепление традиционных культов и запрет «маргинального» и бесконтрольного творчества на подмостках. Проводится реорганизация префектуры претория: воины обособляются в казармах и утрачивают возможность личного общения с хозяевами постоя. Позиция «первого сенатора» приобретает «техническое» звучание: в актах суда Тиберий выступает как «*princeps poster*».

Основы и техника общения Тиберия и сената по преимуществу определялась возможностями трибунской власти принцепса, но не только. Принцепс был вправе требовать подчинения (не говоря о законах) в рамках непротivления публичной воле его предшественника. В сенате отбиралась клятва о соблюдении разнообразных «актов Августа» (*acta Augusti*). По всей видимости, они были перспективными: не менее двух раз Тиберий потребовал от сенаторов подчиниться «неожиданным правилам». Противники «апокрифов» (известно одно лицо) должны были покинуть курию.

Во втором параграфе «Преемник как император» рассматривается оформление и использование Тиберием высшей военной власти (*imperium maius*). Анализируется вопрос о приобретении принцепсом империя. Отмечается, что задача подчинения войск после смерти Августа разрешилась лишь после отдачи всеми армиями клятвы на верность Тиберию. Отказ от признания нового императора в Рейнской и Паннонской группировках повлек за собой период колебаний и крайней неуверенности Тиберия в том, что он сможет овладеть ситуацией. Доказывается, что его колебания (*recusationes*) практически воспринимались как отказ от монополии приведения к присяге всего населения империи. Исполнение «заочной присяги без поручения» немедленно после смерти Августа подразумевается или постулируется во всей известной нам литературе, но невероятно с институциональной стороны.

Клятва была универсальным средством приведения общества к единому знаменателю в отличие от вотума комиций. *Imperium* Тиберия во всех подразделениях римской армии был узаконен еще в 13 г.: императивное творчество народа не противоречило прижизненным решениям Августа. Присяжная пирамида власти отличала *imperium maius* принцепса от «подчиненного империя». Создание легальной перспективы для непрерывности власти было направлено на пресечение самой возможности политического выбора.

Неудачное подчинение Тиберием войск в 14 г. способствовало становлению «пацифистской» символики принцепса на монетах. Однако его политика определялась поддержанием и совершенствованием трех «колец» безопасности: семейной, гражданской и внешней. Трем уровням безопасности отвечала мобилизационная избирательность гражданства. Олигополия Цезарей на командование с серьезным объемом империя и «ритуализация» префекта Сеяна в войсках после фактического распада правящей фамилии грозили изгнанием принцепса из системы строго двусторонней связи, оформленной в клятве.

Третий параграф «Преемник как *dominus* и *cura principis*» посвящен анализу «частно-политического» статуса принцепса и содержанию его деятельности в сфере социального вспомоществования. Рассмотрена процедура наследования Тиберием статуса Августа (*statio paterna*) как собственника. Подчеркивается, что принятие наследства Августа состоялось до 17 сентября.

Семейные обязательства принцепса оборачивались политическими и на деле являлись его монополией на частные субсидии Риму. Общественные расходы Рима регулировались постановлениями сената, однако потребности эрария Сатурна обращались за счет имущества (*patrimonium*) Тиберия. Прослежены активы и пассивы патримония и процесс, согласно которому частные и должностные финансы расходовались на цели *cura vitae populi Romani*. Тяжелое финансовое положение патримония, эрария Сатурна и его структурной единицы под контролем принцепса (*fiscus*) предопределило политику строгой экономии Тиберия. Длительное отсутствие принцепса в Риме стало эквивалентом безличной и безучастной заботы. Однако арифметически прослеживается, что безвозвратные публичные выплаты из патримония Тиберия за время его деятельности составили не менее 597 млн. сестерциев. Увеличение прихода зависело от совершенствования податной системы, возможности которой к 14 г. были практически исчерпаны. Рост поступлений был реален лишь с присвоением платежей населения, подвластного внешним союзникам (замены их власти администрацией принцепса). В 30-х гг. производится серия восстановлений в патримоний Тиберия состояний (*bona damnatorum*), дарованных «друзьям принцепса» (*amici principis*) еще Августом (*liberalitas Augusti* = активы Сеяна и его союзников, рудники Мария).

Император, обязанный действовать *rei publicae causa*, назначил наследниками двух субституттов в равных долях (Гая и Тиберия Гемелла). Сделанное противоречило *actum Augusti*, которым прогнозировалась монархическая судьба достояния Юлиев. Аннулирование последней воли Тиберия являлось официальным признанием того, что, минимум, с 35 г. достояние империи находились во

власти произвола. Основанием дальнейшего преемства становится не закон и не завещание, а постановление (*senatusconsultum*) о «праве усмотрения во всяком деле» (*ius arbitriumque omnium rerum*). Патримоний Юлиев превращается в индивидуализированное должностное достояние (*patrimonium principis*), похожее на «государственную казну».

Вторая глава «*Divi filius*: Опыт гармонии» посвящена рассмотрению ритуальной структуры власти Тиберия и динамике ее процессуальной защиты.

В первом параграфе «Сын Божественного и щит *maiestatis*» демонстрируется позиция Тиберия по отношению к Августу как преемника обязательств, вытекающих из требований обычного фамильного культа. Прослеживается, каким образом акт обожествления Августа в сенате и присяга именем Божественного связали языческое общество в универсальный ритуальный альянс. Еще ранее факты рождения и деятельности принцепса и членов его фамилии упорядочили ритмику календаря и насытили церемониальный смысл времени. Но только при Тиберии Рим превратился в религиозно-политического адепта покойного лидера, когда принцепс разработал культ Августа и всех Юлиев и создал олигархическую коллегию для отправления богослужения. Средства нового ритуального быта (*imagines Augusti*) наделяются правом убежища (*asylum*). Привлекательность культа растет. Выявляется позиция Тиберия, как «сына божественного», который так и не стал «отцом». Статус «вечного наследника» обнажал политическую бедность второго правления и превращал его в процесс трепетного пользования горней мощью. Отсюда вытекала обязанность религиозного служения, стиль власти, основанный на культовом освящении права, неотделимый от демонстрации почтения к носителю божественной силы. Акты Августа (*acta divi Augusti*) и императивы народа (*leges*), инициированные им, приравнивались к нерушимой воле небес (*nefas infringere omnia facta dictaque eius*).

Одной из инициатив Августа являлся «закон о величии» (*lex Iulia maiestatis*). Фамильное (*more maiorum*) и общеритуальное (*a senatu decreti*) достоинство усопшего приобрело легальную защиту в объеме его материи. Квалифицированная группа случаев подлежала оценке на нетерпимый людьми грех, когда преступник (как словом, так и делом) поражал витальное пространство, защищенное небом. Универсальный характер должного подтверждался в общеимперской присяге на верность Тиберию и всей фамилии Божественного. В концепте «величия дома» перенос управления (*summum rerum iudicium*) с Августа на Тиберия в 14 г. понимался как акция богов (*di dedere*). «Неверность» Тиберию Августу и всему его дому вслед за клятвой на верность имеет принципи-

альное значение. Вал обязательного доверия немногим поглотил абсолютное большинство граждан и даже все население империи. Он неотделим от секулярного ущерба всем, понимаемого как *sc̄imen* в рамках закона.

Во втором параграфе «Сын Божественного и процессы в сенате» прослежены конкретные факты «умаления величия» и процессуальная роль принцепса. Должностная рецепция обвинений *lege maiestatis* была необходимым следствием предшествующего «боготворчества» и интегральным элементом посмертного присутствия Августа в Риме. В отличие от Августа-божества Тиберий не только не воздержался от применения *veto* на ход обвинений, но и объективно не мог решиться на это (*exercendas leges esse = nefas infringere*). Чрезвычайность переноса власти императора также способствовала отказу от альтернативы: *lex maiestatis* был удобен для преследования нелояльности как таковой. Частые сенатские слушания многочисленных обвинений вызваны ростом общественного значения нового ритуала. Связь обвинений с персоной Тиберия делает консульское усмотрение эфемерным, а желание обезопасить себя избыточным. Принцепс обязан взять на себя вопросы интерпретации «закона Юлия», когда сталкивается с невозможностью соревновательного толкования и судебной ложью. Его комментарии-рескрипты поступают магистратам. С 14 по 37 гг., *auctore p̄ncipe*, сенат осудил за процессуальную клевету (*calumnia, falsum*) не менее девяти деляторов. Минимум три человека были наказаны за злоупотребление правами обвинения.

Квалифицированное ограничение криминальных фактов превратилось в проблему подведения вирулентной реальности под закон, что драматизировало юстицию всего периода правления Тиберия. Но принцепс впервые наметил границы обвинительной инициативы, пользуясь, например, критерием естественного права. Литературные версии жизни божественных предков возводятся на уровень канонического стандарта (казус Корда). Защита достоинства Юлиев встречает деятельную и подчас опережающую поддержку со стороны сената. Рассматривается, как конфликт внутри неуправляемой фамилии Юлиев постепенно подтачивал и сами основания власти Тиберия. Его успех как главы богоизбранной фамилии ставится под сомнение.

В третьем параграфе «Кульминация и итоги „процессуального“ правления» рассмотрены события, связанные с выдвижением префекта претория Сеяна, решающий мотив изоляции императора, процесс и последствия устранения Сеяна. Укрепление политического союза между Тиберием и префектом совпадает с годом смерти Друза, самого перспективного преемника императорской власти. Быстро возрастает значение преторианской службы. Роль Сеяна под-

черкивается как *забота о безопасности сената и римского народа* (*tutela securitatis SPQR*). Напряжение в обществе совпадает с внутрисемейными конфликтами принцепса. Он отстаивает незыблемость стимулятора «массовой бдительности»: за *доказанное* обвинение или *небеспочвенную* информацию об измене (*lege maiestatis*) обещаны премии.

Осенью 26 г. Тиберий едва не погиб в усадьбе Spelunca. Совершенно неожиданный обвал грота не мог не расцениваться как тщательно спланированное покушение. Принцепс удаляется на о. Капри. Статуи префекта, который стал спасителем жизни Тиберия, ритуально «конкурируют» с портретами принцепса. Фактический распад фамилии Юлиев способствует как замещающим, так и «восстановительным» планам Сеяна, который заключает помолвку с вдовой императорского сына.

Далее подробно анализируются процессуальные аспекты подавления заговора Сеяна. Отклоняется гипотеза Д.Хеннига о «предварительной отставке» префекта: детально разработанная боевая операция его изоляции от войск политической безопасности, особенности техники «деляции» и сакрального воздаяния за умысел (убийство детей Сеяна) разрушают распространенные взгляды на процесс, характер и финальные аспекты драмы. Приводятся конкретные данные о дознании *post factum* и анализируется содержание «симметричного возмездия» или «проклятия» за выхолащивание династии: Сеян покусился на «питомник величия» Рима и всей империи и подвергся «чрезвычайной отставке».

На основании *lex maiestatis* за все рассматриваемое время в сенате было приговорено не менее 41 человека. Казнены 18 осужденных. Сакрально «прокляты» и уничтожены не менее 18 человек. Высланы в изоляцию 11 приговоренных. Посмертно лишены правоспособности 5 человек. Неясен приговор 3 жертвам. В результате процессов не менее 38 сенаторов были выведены из состава курии. Данные статистики обладают положительной динамикой. Адаптация идеологии величия к потребностям «мемориального правления» создавала почву для неизбежного процессуального напряжения в обществе.

В третьей главе «Международная (внешняя) политика: *perpetuus patronus Romani imperii*» анализируются традиционные стандарты, процесс и результаты общения Рима с народами, периферийными империи, или их политическими объединениями.

В первом параграфе «*Maiestas* вовне и *termini imperii*» реконструируется международный статус Рима, условия и цели внешнеполитической деятельности Тиберия. Если «частное» положение отчима Тиберий принял легко, то

внешние задачи Рима выглядели обременительными. Рассматривается посмертный «совет» (*consilium*) Августа, заявившего о необходимости (*praescriptum*) «удерживаться внутри границ империи» (*consilium coercendi intra terminos imperii*). Показано практическое отношение к понятиям «*termini imperii*», «*fines imperii*» и «*limes*». Август применил собирательное понятие о границах: *termini imperii* были совокупностью провинциальных разметок за пределами Италии, *limes* - средством блокады и поражения агрессивных соседей. Экспансия Рима до 14 г. воспринималась как *растущее тело* империи *sine fine*, если враждебное соседство в рамках традиционного опыта было неприемлемым, а неримское сомнительным. Сосуществование с внешним злом в рамках военно-политического наследия осознавалось как ситуация отложенного решения.

Анализируется принцип, согласно которому мирный подход к соседям империи требовал признания за ними свободы (*libertas* = ἐλευθερία) - первейшего условия партнерства. Отношение иноземцев к империи и ответная реакция Рима стереотипно увязывались с признанием «*власти и величия римского народа*» (*imperium maiestastque populi Romani*). Тиберий был поставлен перед фактом, что зарейнские племена германцев после резни 9 г. (Тевтобургская бойня) долгое время партнерами по свободе не считались.

Как персональный (*rex*), так и коллективный (*foederata civitas*) соседи империи занимали внешнее по отношению к *imperium p. R.* положение. Акт признания свободы соседа иногда распознают как «назначение» правителя, подразумеваемая передача *imperium p. R.* или *auctoritas* повелителей на объект политической власти Рима. Последнее потребовало бы или придания союзной монархии формы «*lex regni*» (подобия *lex provinciae*) или ассимиляции титула царя номенклатурой римских должностных лиц. Ни первое, ни второе не подтверждается. Однако всякая дружественная власть в целях признания должна была заверить свои внешние намерения в Риме.

Подчеркнуто, что к 14 г. методика исчерпания серьезных врагов принесла ощутимые результаты. Область неконтролируемой вражды сократилась до минимума. Усилия Августа сдерживали эскалацию конфликтов и развязывание войн в системе международной дружбы (*amicitia*), которую Тиберий вызвался поддерживать. Вне ее, а также вне поля зрения Рима, войны были возможными. *Consilium «coercendi intra»* можно понять как предписание прекратить поиск новых друзей и врагов. Гражданский статус международных друзей Тиберия (и Рима) свидетельствует о поглощении отношений с внешними народами практикой римских обязательств. Структура имперского мира характерна и тем, что развязывание войн между союзниками *lege maiestatis* преступно.

Во втором параграфе «Maiestas вовне: Варварская зона» расставлены акценты и исследуется содержание политики Тиберия по отношению к враждебным народам северной и южной периферии. Анализируется понятие «воюющей стороны» и уточняется хронология «Африканской войны». Для Рима племя мусуламиев и южные номады были прежде всего инструментами контролируемой (ауксиларии) или безотчетной (враги или разбойники) войны. Комментарий II столетия расщепляет противника на вражескую сторону (*hostes*) и преступное скопище (*latrones*). Тиберий понимал ситуацию не иначе: война велась против иноземных врагов, облава - на гурт провинциальных разбойников. В 22 г. с видимым прекращением набегов мусуламиев *bellum Africum* была завершена. Экспедиция против *latrones* закончилась в 24 г. Началась замена ненадежных нумидийских ауксилариев племенными *auxilia* из Фракии.

Во Фракии династ Рескупорид, уничтожив римского союзника Котиса, готовил мятеж против Рима. Войны избежали: союзного монарха обезвредили и осудили как мятежника. На основании *lex maiestatis* было начато преследование сообщников Рескупорида в Македонии. Юго-восточная Фракия, охваченная кризисом власти, была взята под опеку Рима. В 26 г. осаде и разгрому подверглись *hostes* из горного племени бессов.

Тиберий был обязан завершить боевое мщение известному ряду германских племен. С 9 г. по решению Августа Рим пребывал в состоянии вражды с туземной коалицией под эгидой херусков. Гений Августа не сумел (и Тиберий был вынужден с этим считаться) интегрировать зарейнских германцев в «международный религиозный альянс» вокруг своей личности. Кампания против *hostes* была объявлена Августом в 9 г. и закончена под ауспигиями Тиберия в 17 г., а враждебный союз быстро распался. Бои 10-16 гг. велись под династическим знаменем, что отличало их от кампании в Африке: триумф Германика над пленными врагами провели в согласии с древней традицией. После завершения войны сын Тиберия Друз провел «соревнование за власть» среди германских вождей. При содействии Тиберия на территории Моравии в 18-19 гг. оформилось партнерское «царство» (*regnum*) Ванныя. По пути «коммерческой безопасности» начались поставки янтаря с побережья Балтики. Подчеркивается, что равномерное приложение *amicitiae* к туземцам было нереальным, если требования «дружбы» (до 9 г.) распространяли на враждующие общности. Реакция на римские атаки 14-16 гг. также подтвердила эффект стойкого внутрплеменного конкурса: ограничение воли к бою у одного освобождало арену сопротивления для другого. Тиберий поддержал агрессивное соперничество и довел туземное поприще до результатов, которые удовлетворили Рим.

В третьем параграфе «Maiestas вонне: Династическая зона» рассмотрены взаимоотношения империи с владыками преимущественно восточной периферии. Август оставил Тиберию своеобразный «междинастический пояс империи». Он был основан на браках союзных царей, заключенных при поддержке Августа. К 14 г. у Тиберия находились, минимум, три потомка парфянского царя Фраата IV. Как потенциальных конкурентов любого непопулярного Аршакида, их могли направить для замещения враждебного царя. Политические контакты с парфянами сводились к управлению родом Аршака извне. «Родовладельческая» держава таким преимуществом не обладала.

Устанавливается, что за период 14-37 гг. на Востоке сократилась «номенклатура» союзных царей, - друзей Рима и Цезаря, увеличилась территория *imperiі*, было дважды предотвращено прямое столкновение с Парфией. По договору с Фраатом V от 1 г.н.э. Рим оговорил в свою пользу утверждение армянских царей, но успеху помешал династический кризис в Армении. Тамашний трон оказался вакантным и парфянский царь Артабан II попытался возвести на него своего сына: «et Parthus... adiecit Armeniae malum». Артабан угрожал Тиберию войной, если парфянские притязания встретят сопротивление. К 16 г. условия договора от 1 г. царем игнорировались. В последний год экспедиции Германика за Рейн на востоке начала рваться цепочка союзных царств, одобренная Августом 35-ю годами ранее. Безвластие в Коммагене и Амане, подозрительное поведение каппадокийского царя и угроза столкновения с парфянами создали крайне тревожную ситуацию: аппетиты Аршакидов, как открыто подтвердилось в 30-х гг., распространялись и на Малую Азию. Под угрозой «замещения» Артабана конкурентным царем Вононом были подтверждены условия соглашения от 1 г. Зенон, кровный родственник пасынка Тиберия, завоевал успех среди армян, и был коронован Германиком. Бежавший Вонон, вовлеченный в заговор против Зенона, был убит. Сделанное удовлетворило Артабана и отвечало целям безопасности Рима, так как сенат и принцепс не скрывая опасались войны.

Анализ «детронизации» Архелая из Каппадокии показывает, что монарх (*rex suspectus*), привлеченный Тиберием к суду за «мятежные действия» (*νεωτερίζοντα*), не был признан виновным. Скорее всего, по договоренности с общиной Каппадокии (*κοινόν*), союзницы Рима, царство преобразовали в провинцию. С аналогичным поглощением Коммагены границы империи вытянулись до Евфрата. Артабану II дали понять, что его первенство в роде Аршакидов спорно: царская казна (*gaza*) предшественника вопреки подтвержденному миру удерживалась Тиберием. В начале 30-х гг. политически одинокий прин-

цепс оказался без зрелого преемника. Артабан решился на совершенный отказ от условий мира. Евфрат теперь рассматривался как переправа, а не граница: царь предъявил права на Каппадокию и все «наследие Селевкидов». Тиберий открыл «косвенную войну», которая велась силами римских союзников с Кавказа и Закавказья. Замещая царя, Тиберий выдвинул альтернативного владыку парфян из потомков Фраата IV. Усиление мер внутренней безопасности диктовалось внешней угрозой: выезд сенаторов за пределы Италии считался попыткой бегства к парфянам. Подчеркнуто, что восстановление римско-парфянской «дружбы» пришлось на первые недели правления Гая в 37 г.: требования Тиберия к Артабану воспроизводили содержание договора Августа. Гай согласился на его ревизию.

В заключении диссертации обобщаются полученные данные. Август подозревал, что самостоятельное правление Тиберия потребует дополнительной защиты. Комициальное укоренение прав будущего императора упредило возможное безвластие в глазах закона. Отложенная избирательная реформа была рассчитана на узкие возможности личного влияния Тиберия Цезаря. Август наметил, а Тиберий уничтожил общественный характер политического конкурса: его подобие ограничивалось стенами курии. Исключение соревнования в трибах и закрепление за ними утвердительной функции превращало сенат в единственного партнера принцепса. Но Тиберий по традиции истребовал в процедуре «общественной присяги» верность себе и своей фамилии. Акт одностороннего доверия и бессрочного авторитета разрушал смысл сотрудничества. Масштаб присяги и сакральная санкция подняли ее на уровень нормы. Административная свобода принцепса ограничивалась актами его отчима. Стандарты «партнерства» между Тиберием и политической элитой были обращены вспять.

Набор в войска дифференцируется: воины-италийцы потенциально противостоят воинам-римлянам, воины-союзники - гражданам, свободнорожденные - либертам, одна племенная общность другой. Интегральным средством поддержания безопасности становится практика применения *lex Iulia maiestatis*. Его материя остается прежней, но напряженность усиливается настолько, насколько вырастает значение религии божественного Августа. Ее ритуал приобретает международный характер. Иерархия в *domus principis* была прагматично расставлена Августом. Возможный распад фамилии принцепса осквернял «священную волю» (*nefas infringere omnia facta dictaque eius*) и предполагал серьезные потрясения. Изгнание из курии около 13% ее фактических заседателей отдавало непростительным ригоризмом и жестокостью.

Итоги предшествующей военной экспансии определяли узкие возможности Тиберия. Армия более не имела простора для самообеспечения. Большой частью империю Рима окружала бедная и как правило агрессивная периферия (варварская зона). Доступ к ее природным богатствам требовал или интеграции воинственного населения в систему империи или его уничтожения. По меньшей мере, 3 раза с 14 по 37 гг. объявлялись войны. Предпринималась политика укрепления союзников, а вакантные территории поглощались. Договор, заключенный в I г.н.э. посланцем Августа с Фраатом V, воспринимался наследниками парфянского трона как строго личный. Взаимность утрачивалась вслед за сменой царя при усилении «партии войны» в Парфии.

Мобилизация ритуальных средств поддержания власти, архаизация юстиции и напряжение личных материальных ресурсов принцепса сопровождает правление 14-37 гг. Богоизбранность отдельной фамилии отрицала партнерство во власти. Лейтмотивом политической истории второго принципата был распад внутри и приглушенная борьба вокруг правящего семейства. Надлежащее объявление войны в ответ на внешнюю угрозу было крайне опасным для Тиберия. Перспектива разрушения монополии Юлиев на власть стала очевидной. Техника сепаратного обращения к парфянской «партии мира» во главе с альтернативным кандидатом на трон позволяла поддерживать необходимый баланс сосуществования. Удаление императора в убежище на труднодоступном о. Капреи превращает «принципат по переписке» в «принципат из укрытия».

Публикации по теме диссертации

- 1) Князев П.А. Тиберий Цезарь Август: Одинокая жертва принципата// История и историография зарубежного мира в лицах/ Межвузовский сб. научных статей. Вып. I. Самара, 1996. С. 14-24.
- 2) Князев П.А. К вопросу о некоторых аспектах оформления военной власти императора Тиберия// История и историография зарубежного мира в лицах/ Межвузовский сб. научных статей. Вып. II. Самара, 1997. С. 26-36.
- 3) Князев П.А. Гибель семьи Луция Элия Сеяна// История и историография зарубежного мира в лицах/ Межвузовский сб. научных статей. Вып. IV. Самара, 1999. С. 26-36.

ООО «ВОЛГА ДОКУМЕНТ»

443001, Самара, ул. Самарская, 190, т. 33-64-06

Подписано в печать 5.10.2000. Формат 60х 84/16.

Бум. офсетная. Печать оперативная. Объем 1,25 п.л. Тир. 100 экз. Заказ № 143.

7-00